

Екатерина Суровцева (Россия)

ОБРАЗ АДРЕСАТА В «ПИСЬМАХ ВОЖДЮ» (1920-е – 1950-е гг.)

Письма представителей русской интеллигенции вождям являются интереснейшими и важными документами советской эпохи, в которых «отразился век» и с иной стороны предстаёт личность писателя. Есть в этих текстах и ещё один существенный аспект. Это то, каким предстаёт адресат, личность не менее реальная, чем автор письма, однако отмеченная в эпистолярном контексте субъективным авторским отношением.

При анализе эпистолярного материала первой половины XX века мы выделили в группе адресатов тех, чей образ принципиально индивидуализирован (автор письма апеллирует не только к лицу, наделённому властными полномочиями, но и собственно к человеку) и тех, у кого он исчерпывается служебной функцией. Среди первых, безусловно, В. Ленин, И. Сталин, Ф. Дзержинский, А. Луначарский и некоторые другие крупные представители власти, среди вторых – А. Енукидзе, А. Андреев, А. Щербаков, Г. Маленков и другие проводники политики партии и воли вождей. Степень индивидуализации образа адресата зависит от многих факторов. Играет роль масштаб личности адресата, степень близости его и адресанта, мотивация и жанр письма и особенности творческой манеры писателя-адресанта.

Автора письма могут связывать с адресатом дружеские отношения, годы общей революционной или иной деятельности (Богданов – Луначарский, Богданов – Бухарин, Раскольников – Сталин), в конце концов – положение соратников, товарищей по партии или – шире – людей, служащих одной высокой цели: построить новую Россию и новую культуру (Маяковский – Луначарский, в определённом смысле Шолохов – Сталин), при этом сохранив лучшие завоевания прошлого и памятуя о ценностях общечеловеческих (Короленко – Луначарский). В другом случае расчёт на проявление вождём человеческих качеств (мудрости, гуманности) или здравого смысла мотивирован жанром письма (просьба), целью которого является восстановление справедливости. В таких текстах нередко формируется идеализированный образ адресата (Зощенко, Булгаков и др. – Сталину). Иного рода индивидуализация характерна для писем, относящихся или близких к жанру памфлета. Здесь в человеческом облике адресата вычленяются как раз слабые стороны, дающие повод для иронии (Маяковский – Луначарскому) и для сатирических обобщений (Аверченко

– Ленину).

Мы бы отметили существенное отличие текстов 1920-х годов от большей части текстов 1930-х – 1950-х – разная степень допустимой демократичности отношений адресанта и адресата: письма, адресованные одним представителям власти, предполагают или во всяком случае не исключают диалог на равных, возможность изложить достаточно свободно соображения, как правило, не совпадающие с позицией властей; письма, предназначенные другим, сдержанны и осторожны, если же высказывается прямая критика в адрес верховных властей, – то лишь в ситуации когда «нечего больше терять». Можно условно отметить два психологических «полюса» этой ситуации, персонифицированные соответственно Луначарским и Сталиным; с одной стороны, нарком просвещения, интеллигент, представитель «ленинской гвардии», писатель и критик; с другой – вождь партии, хозяин страны, вершитель судеб, лицемерный тиран.

Луначарский – единственный представитель власти, к которому (уже в этом качестве) адресант обращается на «ты» («Дорогой Анатолий. Письмо твоё...» и под.) [Богданов 1990: 352]. Имеется в виду Богданов, подхватывающий тон письма самого Луначарского. Луначарскому писали многие (в том числе Богданов, Короленко, Маяковский), и его образ в этих письмах имеет, как нам кажется, три ипостаси: во-первых, соратник-оппонент и при этом друг (Богданов), во-вторых, коллега, но тоже оппонент (Короленко), в-третьих, лицо, ответственное за культуру Советской России (Короленко, Маяковский).

Так, Богданов ведёт с Луначарским открытую полемику и критикует позиции большевиков по ряду вопросов, сохраняя при этом дружеский тон. На лексическом уровне это проявляется в постоянной смене форм личных и притяжательных местоимений: там, где речь идёт о действиях большевистского правительства (и Луначарского на этом поприще), используются формы местоимения «вы», «ваши», где же автор письма высказывает соображения в расчёте на бывшее единомыслие адресата, звучит «мы» и «наше». Кроме того, Богданов ссылается на некоторые факты общего прошлого; сообщает Луначарскому о том, какие свои труды уже выслал ему, а какие планирует выслать в скором времени [Богданов 1990: 352 – 355].

Богданов заметно выделяет Луначарского из ряда его соратников, среди которых «грубый шахматист» Ленин и «самовлюблённый актёр» Троцкий. В письме возникает тема постановки собеседника на место говорящего. И наоборот: Богданов как бы представляет самого себя в роли члена большевистского правительства, и это воспринимается им как компромисс. Эти же ощущения, по его мысли, должен испытывать Луначарский. Отметим непосредственную реакцию Богданова на предложение ра-

боты со стороны наркома образования: в конце письма адресату делается даже как бы «встречное» предложение вернуться к рабочему социализму, т.е. на позиции самого Богданова.

Очевидно, что адресант чувствует себя свободно, общаясь с представителем власти, они не дистанцированы, человеческий аспект отношений является в письме преобладающим. Есть ощущение уверенности адресанта в том, что собеседник в состоянии правильно понять его позицию. Разумный собеседник, наделённый властными полномочиями, – то лицо, которое может донести боль интеллигентных людей властям и, возможно, позитивно повлиять на них.

Эта же мысль читается (и одновременно подвергается сомнению) в письмах Короленко. Он обращается к Луначарскому по имени-отчеству, но без чинов. Тон его обращений более сдержан, но уже в первом из шести писем он называет адресата «товарищ писатель» (обратим внимание – не «товарищ нарком»). Тем самым подчёркивается особое отношение автора как прозаика и правозащитника к интеллигентному и образованному представителю новой власти.

Шесть достаточно объёмных писем [Негретов 1990: 232 – 268] рассчитаны на широкую публику: письма, безусловно, публицистичны, и автор их надеялся на публикацию, обещанную Луначарским. Однако они рассчитаны и на вдумчивое прочтение того единственного адресата, в них упомянутого: не только большевистского министра, но и литератора, человека, не лишённого совести. Уважение к личности Луначарского проявляется, несмотря на инвективную направленность мысли автора в целом, в открытости и доверительности тона, когда писатель неоднократно строит фразу, вводя в неё образ предполагаемого собеседника («Вы скажете: вольно же во время междоусобия проповедовать кротость» [Негретов 1990: 234] и т.п.). Обстоятельность и большой объём писем тоже, на наш взгляд, являются не только следствием установки автора на их публичный характер. Обратим внимание на то, что в текстах второго – шестого писем отсутствует традиционное обращение к адресату; каждое из них является продолжением начатого разговора. Это развёрнутое обсуждение «большевистского максимализма», по словам Короленко, ведущего Россию к катастрофе, рассчитано на собеседника, способного если не принять, то понять позицию оппонента.

Уже в первом письме прямо высказывается мысль о пропасти, разделившей адресанта и адресата после того, как во время пребывания Луначарского в Полтаве там были бессудно расстреляны пять человек: «Пять трупов легли между моими тогдашними впечатлениями и той минутой, когда я со стеснённым сердцем беру за перо» [Негретов 1990:

232]. Энергично выступая против большевистского террора, Короленко упрекает Луначарского в нерешительности в тех вопросах, которые касаются человеческих жизней.

Выбор адресата для Короленко, конечно, во многом вынужденный и особых иллюзий на счёт Луначарского у писателя нет. Он в значительно меньшей степени, чем Богданов, склонен выделять наркома просвещения из ряда его коллег по партии. Скептические ноты звучат уже почти в записке первого письма: «Уже приступая к разговору с вами... перед митингом, я нервничал, смутно чувствуя, что мне придётся говорить напрасные слова...» [Негретов 1990: 232].

Вообще Луначарский для Короленко – сильное (читай: человеческое) звено большевистской цепи и слабое (соглашательское) звено в лагере интеллигенции. Непоследовательность в действиях Луначарского, несколько примеров которой приводится в письмах, рождает у автора письма сомнения в том, что его голос будет услышан.

В письмах Короленко (и в этом их сходство с богдановскими) даже на формальном уровне внятно подчёркнута идейная дистанция между собеседниками: «ваша диктатура» и под. В тех же случаях, когда речь идёт об общероссийских реалиях, автор письма солидаризируется с адресатом: «наш народ сразу перешёл к коммунизму» и т.п. Если сравнить модели отношений адресанта и адресата в текстах Богданова и Короленко, то в первом случае автор ощущает приоритетность дружеских связей с адресатом, несмотря на ряд идейных расхождений, а во втором – подчёркивает принципиальность идейных расхождений, но стремится найти общий язык с собеседником.

Именно к Луначарскому обращается с открытым письмом В.Маяковский («Петроградская правда» от 21 ноября 1918 г.) в ответ на негативную рецензию критика А.Левинсона на пьесу «Мистерия-буфф» в постановке В.Мейерхольда с участием самого поэта, призывая наркома, высоко оценившего пьесу в своё время, «достойно оборвать речистую клевету». В этом письме наркому отводится роль объективного судьи. То есть Луначарский в контексте первого письма призывается скорее в единомышленники, чем в оппоненты, а вся сила авторского сатирического пафоса обрушивается именно на Левинсона. Однако резковатость и требовательность тона выдаёт внутреннее напряжение и, вероятно, сомнения автора письма в наркомовском единомыслии. Поэтому Маяковский спешит напомнить «товарищу комиссару» обо всех его положительных отзывах на пьесу, напоминает ему о необходимости усиленной пропаганды нового искусства и обращает внимание адресата на организованный характер осуждения «Мистерии» в газете «Жизнь искусства». Позднее, в 1920

г., на диспуте о постановке Мейерхольдом и Бебутовым пьесы Верхарна «Зори», выявилась несхожесть взглядов Маяковского и Луначарского на футуризм: последний высказался в том смысле, что футуризм отстал. Во втором открытом письме Луначарскому поэт в ироничной манере формулирует положения оппонента – именно в этом качестве теперь выступает нарком просвещения – и методично их опровергает. Фактически здесь это полемика не столько с представителем власти, определяющей политику в сфере искусства (хотя и эта ипостась адресата актуализирована в письме Маяковского), сколько с консервативным в своих эстетических предпочтениях оппонентом, недооценивающим значение авангардного искусства.

Если в первом письме есть единственное, но весьма значимое обращение («Товарищ!») и нарком в этом контексте мыслится скорее именно «товарищем», то во втором письме ситуация существенно меняется. Обращение к собеседнику в нём более личностное, по имени-отчеству, но без чинов и без выражений единомыслия. Полемический тон, присущий текстам Богданова и Короленко, создаётся здесь за счёт иронии лично в адрес собеседника, чего в вышеназванных текстах не было. Иронией и одновременно гиперболизацией отмечены уже первые строки письма, где Маяковский утверждает, что выступает от лица «целого класса людей». Однако опровержение претензий оппонента к футуризму Маяковский начинает с не очень серьёзной фразы: «Начну с хвоста». И далее тезисы наркома иронично обыгрываются: «Нужен пророк... А как же “ни бог, ни царь, ни герой”?» и т.п. [Маяковский 1959: 18 – 19].

Луначарский как адресат выглядит в письме весьма непоследовательным в своих оценках оппонентом, которого автор без труда уличает в противоречивости суждений. Левое искусство представляется ему «компрометирующим» – почему же «канонизирован академией Камерный театр?» Запретить Мейерхольда – тогда логично запретить всё левое искусство, всю экспериментальную живопись. Футуризм устарел – в чём же живительные силы старого искусства? Даются положительные отзывы из статьи Луначарского по поводу постановки «Мистерии» (1918) и с ними сопоставляется сказанное им о футуризме на диспуте в 1920 г. По воле автора письма Луначарский как бы опровергает самого себя. Маяковский не без иронии констатирует противоречие: Луначарский-художник как будто опережает Луначарского-наркома, ибо в пьесе «Иван в раю», принадлежащей его перу, возможно выделить элементы футуризма, по мнению автора письма.

С грубоватой снисходительностью представитель «искусства будущего» разъясняет не очень осведомлённому министру различия между направлениями авангардного искусства; подчёркивает его непрозорливость

в оценке перспектив футуризма. Образ адресата приобретает даже комические черты: он как будто не совсем уверенно разбирается в тех областях деятельности, которыми призван руководить. Поэт иронизирует над расширительной трактовкой термина «футуризм», которой, по его мнению, придерживается Луначарский, и, используя приём гиперболы, подчёркивает нелепость такой трактовки, позволяющей назвать футуристическим всё неклассическое искусство в России. Для Маяковского алогичен сам по себе тот факт, что революционный министр питает непростительную слабость к «старому» искусству и современному «академизму». Как видим, в письмах поэта наркому усиливается и закрепляется дистанцированность адресанта и адресата. Здесь она мотивирована не идейно-политическими разногласиями, а разными эстетическими пристрастиями и для её преодоления нет дополнительных стимулов (дружба, общее прошлое и др.).

Таким образом, в письмах, обращённых к Луначарскому, вырисовывается личность довольно противоречивая: большевистский министр, отвечающий за культуру и просвещение, а значит, проводящий политику огосударствления, – и писатель, человек, интеллигент. Он воспринимается многими адресантами именно как такая противоречивая личность, но к нему обращаются как к «своему», как к вменяемому оппоненту.

Среди адресатов писем, которые нам хотелось бы проанализировать, есть и образ оппонента иного рода. Это недоброжелательный оппонент, подающий идеи или личность автора письма в заведомо извращённом виде. Письма, обращённые к нему, выдержаны в более официальном тоне, сквозь который прорывается негодование автора. Тексты такого рода адресованы, например, Богдановым Н.Бухарину и Е.Ярославскому. Это два открытых письма, в которых автор отклоняет упреки в «меньшевизме» и уличает оппонентов в откровенном незнании его дореволюционной деятельности, его трудов и научных положений, на которые они опираются в своей критике «богдановщины». Автор тем более уязвлён, что узнал об этих нападках, находясь за границей и не имея возможности выступить с адекватным опровержением, а на публикацию своих открытых писем оппонентам в России он слабо надеется.

Испытывая немалый пиетет к Бухарину, обращаясь к нему «уважаемый товарищ» и на «Вы», Богданов с высоты своего давнего революционного опыта и научных достижений опровергает критические доводы своего оппонента и указывает ему на недопустимость возводить в принцип суждения, высказанные в тех шуточных частных беседах, которые между ними были, и подтасовывать его высказывания. Сам Богданов отказывается обсуждать то, в чём не очень хорошо осведомлён. Эта позиция открыто выражена им и звучит как урок оппоненту: «О “платформе коллективи-

стов” я не могу, конечно, говорить, не имея её перед собою, ибо говорить о ней, исходя из Ваших цитат и комментариев, было бы – Вы согласитесь с этим – едва ли научно» [Письма вождям...]. Корректно, но решительно возражая Бухарину, Богданов воспринимает его именно как недоброжелательного оппонента, но человека компетентного и опытного. Однако ещё больше, чем нападки на себя лично, волнует автора письма то обстоятельство, что выступление Бухарина в «Правде», о котором идёт речь, отражает опасную тенденцию огульного очернительства инакомыслящих.

Как уже отмечалось, Богданов подчёркнуто корректен при обращении к собеседнику: «Вы согласитесь с этим», «я просил бы Вас указать», «Вы, очевидно, имеете в виду», – но в этой корректности чувствуется холодок и тон несправедливо обиженного оппонентом учёного и мыслителя. Тем же холодком овеяна и синтаксически усложнённая последняя фраза письма, хотя и содержит «товарищеский привет».

Личность Е.Ярославского вызывает у адресанта более негативные чувства. Называя оппонента, к которому он в начале письма специально не обращается, «лично вполне честным человеком и искренним работником», Богданов выражает (конечно, в большей мере риторически) уверенность в том, что «честный человек» сделает всё от него зависящее, чтобы ответ дошёл до тех же читателей, которым были адресованы антибогдановские выступления Ярославского. В письме иронично подчёркивается поверхностность знаний оппонента, берущегося судить о философских взглядах автора. Богданов упрекает автора «популярной книги о богах и богинях» в незнании «богдановщины», идеи которой он и сам охотно использует: «Произвели Вы научно-марксистский анализ моих теоретических положений и показали, как они логически ведут к оппортунизму?» [Письма вождям...].

В письме, как мы уже знаем, речь идёт главным образом о вопросах идейно-политического характера, обсуждаются разные трактовки марксизма, в рамках которого в сущности остаются и творчески развивающий его положения Богданов, и более догматически мыслящий Ярославский. Автор ставит Ярославскому ряд вопросов и уличает его в элементарном незнании существа предмета. Он открывает оппоненту ту нехитрую истину, что не только он, Ярославский, верит в свою правоту и искренне защищает свои позиции. Богданов «учит» адресата уважать оппонентов и противников или – по меньшей мере – знать их позиции. Не сомневаясь в искренности слов и действий своего оппонента, Богданов предостерегает лично его и ему подобных от участия в таком огульном и невежественном шельмовании идейных оппонентов, лишённых к тому же возможности публично ответить на критику.

В письмах Богданова вычленяется и ещё один тип адресата – честный человек и профессионал. Таков Дзержинский, которому адресовано заявление из Внутренней тюрьмы ГПУ [Письма вождям...]. Начальник ГПУ тех лет предстаёт в этом тексте человеком умным, честным, способным разобраться в деле – Богданов излагает ему кратко, но не поверхностно свои идеи. В разговоре с таким адресатом уместно апеллировать именно деловыми соображениями, обосновать ошибки обвиняющих аргументированно (так автор заявления и поступает). Богданов строит аргументы в свою защиту от несправедливых обвинений в сотрудничестве с оппозиционной «Рабочей Партией» на противопоставлении масштабов его собственных научных замыслов и «какого-нибудь маленького подполья». Он не вступает в политические или теоретические дискуссии с адресатом. Таким образом, Дзержинский оказывается в ситуации, когда он и его подчинённые держат в застенках крупного учёного и мыслителя, а между тем он полон готовности быть полезным стране именно как учёный. Письмо это возымело быстрое действие, требование Богданова справедливости было в этом случае удовлетворено. Текст письма имеет формальные признаки заявления, хотя намного превышает объём этого обычно компактного документа. Суховатость и деловитость тона обусловлена главным образом законами делового стиля и лишь во вторую очередь – отношением к адресату, с которым автор письма мало знаком. В этом обращении к лицу, наделённому властными полномочиями, нет неприязни, как нет и заискивания. Действует харизма Дзержинского, жёсткого, но честного профессионала, и в словах Богданова чувствуется уверенность в том, что этот человек сумеет беспристрастно подойти к делу. Обратим внимание, что в письме не чувствуется подчёркнутой иерархичности между властным адресатом и опальным адресантом. Ведётся скорее профессиональный разговор, при этом Богданов готов продолжить его при личном контакте. И перед лицом истории они будут на равных. Более того, нельзя не отметить мужество и принципиальность автора, который в письме на имя начальника ГПУ, затрагивающем судьбоносные для него вопросы, до конца дистанцируется от большевистской власти, которую представляет адресат.

В письмах-памфлетах Аверченко [Аверченко 1990] в неожиданном ракурсе представлен образ вождя пролетарской революции. Тексты Аверченко по цели и форме близки сатирическим произведениям писателя. Образ Ленина, в них создающийся, близок персонажу сатирической литературы, с ним связаны элементы вымысла («я знаю тебя по Швейцарии») и домысла (автор предполагает, чего хочется его адресату, о чём он ностальгирует в Кремле). Однако арсенал сатирических приёмов помогает

эмигрировавшему писателю передать реальное восприятие им человека (в письмах актуализируется именно человеческий аспект), ставшего у руля власти в России, а через призму этого восприятия выразить своё отношение ко всему происходящему на Родине. В изображении сатирика Ленин «очень сухой человек», лишённый простых человеческих радостей, зато ставший «неограниченным властителем вся России». Грандиозности амбиций, масштабности социально-политической и исторической роли вождя комически противоречат снижающие детали внешности и поведения («плутоватые глазёнки» и под.), биографии («... ты без кафе, без “бока” ... – жить не мог»). В том же стиле представлены предполагаемые размышления «председателя Советской республики»; «Небось, хочется иногда снова посидеть в биргалле, поорать о политике, затянуться хорошим кнастером...» [Аверченко 1990: 20]. Для автора письма Ленин является как объектом для едких насмешек, так и объектом для жалости: «неуютно ты, брат, живёшь, по-собачьему» [Аверченко 1990: 20].

В первом письме автор обращается к «председателю Советской республики» на «вы», хоть и без всякого пиетета. Иронично само по себе это смешение разностильных обращений (господин, брат), призванное подчеркнуть неопределённый статус вождя новой России, автора катастрофического социального эксперимента. Во втором письме автор с адресатом исключительно на «ты», идут в ход фамильярности. При этом делаются намёки на якобы общее прошлое («я знаю тебя по Швейцарии»), общих знакомых (Луначарский, «знаменитая курсистка товарищ Хайкина», и др.) и звучат дружеские предложения: «плюнь ты на это дело... приезжай ко мне» [Аверченко 1990: 21] и т.п. Стиль и язык текстов сатирика характеризуется преобладанием просторечно-разговорных элементов, живых интонаций: иронически окрашенных восклицаний, вопросов. В результате Ленин предстаёт в письмах-памфлетах Аверченко неким «зарвавшимся приятелем» автора, натворившим много безобразий, которого автор в иронической форме призывает одуматься, прогнать плохих советников и отказаться от бредовых планов. Тогда автор гарантирует адресату свою посильную помощь в приятном процессе приобщения к простым радостям жизни. Спасительная ирония и гуманистический пафос писем Аверченко не скрывают, конечно, горького и негативного отношения их автора к властителю, из-за которого лишился Родины не только он один.

Бесконечно многолик в письмах писателей «наверх» образ Сталина: это тиран, сатрап (Раскольников, Фадеев), высший судья, наделённый мистическими качествами (Булгаков), просто высокое официальное лицо (Замятин), великий человек, достойный иметь личного писателя (Ларри),

мудрый правитель, чья миссия сближается с миссией поэта (Пастернак), добрый, справедливый человек (Зощенко), рачительный хозяин и дальновидный руководитель (Шолохов).

Раскольников обращается к нему «Сталин, вы...» [Осмыслим культ Сталина 1989: 609 – 611] и абсолютно отрицает какую бы то ни было целесообразность в действиях вождя, кроме преступной деятельности по укреплению личной диктатуры. Целый каскад соответствующих выражений, полных сарказма, обращает автор адресату, подчёркивая самодержавные амбиции властителя («у подножия вашего престола» и под.). Будучи объявлен «вне закона», дипломат и писатель считает себя таким образом уравниваемым в правах («точнее, в бесправии») со всеми советскими людьми. Жизнь вне закона, власть вне закона – лейтмотив письма, и он связан в первую очередь с личностью Сталина. По сути, в письме Раскольникова первое лицо в СССР предстаёт как преступник у власти. Раскольников одним из первых проводит крамольную по тем временам параллель между Сталиным и Гитлером. Не только тирания, но и лицедейство становятся в письме Раскольникова основными качествами адресата. Опытный дипломат и журналист, человек трезвого ума, Раскольников, лишён каких-либо иллюзий по отношению к личности Сталина, но и не демонизирует её. На страницах его письма создаётся чудовищный и в то же время адекватный историческому масштабу прототипа образ жестокого самодержца, паразитирующего на цинично попорченных идеях социализма, расцвета культуры и т.д. В представлении автора письма именно Сталин является истинным «врагом народа».

Негативный образ адресата (в данном случае коллективного) создаётся в письме А.Фадеева инвективной направленности. Это письмо адресовано ЦК КПСС, свидетельствует о глубоком духовном кризисе, переживаемом писателем, и содержит критику литературных и партийных властей. Оценивая состояние современной литературы как критическое («лучшие кадры... истреблены», «литература... отдана на растерзание бюрократам...»), Фадеев утверждает, что нынешние советские власти, в том числе литературные, – «группа невежд». При таком руководстве, по его словам, «литература... загублена». Автор письма сравнивает нынешних людей, стоящих у власти, и Сталина и утверждает, что от нынешних «можно ждать ещё худшего, чем от сатрапа Сталина. Тот был хоть образован, а эти – невежды» [Фадеев 1990].

Ассоциация Сталина с единоличным монархом проводится и в письме Замятина [Замятин 1955: 276 – 282], в котором писатель обращается к «Уважаемому Иосифу Виссарионовичу» с просьбой об отмене «высшей меры наказания». Этой метафорической «высшей мерой» для него как ху-

дожника является полная творческая изоляция и невозможность писать и печататься в СССР. В целом же в этом тексте выдерживается тон и стиль обращения к официальному лицу – но никаких попыток человеческого контакта со Сталиным Замятин не предпринимает. Чтобы убедить властного адресата в том, что лишь ситуация «на краю» вынуждает его обратиться в высшую инстанцию, Замятин подбирает наиболее кричащие факты идеологической кампании против него. Писатель рассчитывает на то, что почти гротескные ситуации, описанные им, будут адекватно восприняты и адресатом. Он апеллирует к интеллекту последнего, стараясь вызвать чувство абсурдности происходящего (здесь можно усмотреть и некую игру писателя, который не мог не понимать, что в письме обращается к одному из главных творцов этого абсурда в масштабах страны). Замятин не делает попыток оправдаться. Он признаёт, что не собирается изменять свою «неудобную привычку говорить не то, что в данный момент выгодно», а то, что ему «кажется правдой» [Замятин 1955: 277].

Он наделяет адресата чувством юмора (свойственным самому Замятину), приводя примеры абсурдных обвинений критики в свой адрес и допуская самоиронию. Болезненно-обострённую реакцию критики на своё имя Замятин называет фетишизмом: «... критика сделала из меня чёрта советской литературы» [Замятин 1955: 278]. Замятин иронизирует над неизменными поисками в каждой его вещи «дьявольского замысла». Ироничными токами пронизан тот абзац письма, в котором автор рассказывает адресату о заседании художественного совета Ленинградского Большого драматического театра. Положительные отзывы пролетарской аудитории Замятин приводит как сильный довод в пользу «Атиллы», что, конечно, не выводит разговор из абсурдистского контекста.

Наконец, автор письма обращается к Сталину с надеждой на внимание к его просьбе о выезде и удовлетворительное решение его вопроса, упоминая при этом об «исключительном внимании», которое встречали с его стороны «другие... писатели», обратившиеся с аналогичной просьбой. При всей любезности последней фразы письма в ней, как нам кажется, тоже звучит ирония: во-первых, далеко не все обратившиеся были удостоены «исключительного внимания» (пример тому – бесплодные хлопоты о выезде Булгакова), во-вторых, «исключительное внимание» властей к просьбам русских писателей о выезде за пределы страны звучит как сомнительная похвала этим властям.

Очень сложно выглядит образ адресата (Сталина) в письмах Булгакова, одного из тех писателей, чьи обращения к вождю были не единичны и рассчитаны на установление со Сталиным личного контакта. В конце 1920-х годов, когда в жизни Булгакова начинается полоса травли, он ли-

шается работы, впадает в страх, погружается в мистическое переживание мира. На этом фоне и развивается диалог писателя с правительством и лично Сталиным. С одной стороны, он бросает вызов власти, определяя себя как сатирика, «мистического писателя», не могущего создать «коммунистическую пьесу», и настойчиво просит выслать его за пределы СССР. С другой стороны, поговорив со Сталиным по телефону и ощущая с ним некую невидимую связь через пьесу «Дни Турбиных», как известно, любимую вождём, Булгаков с неизбежностью погрузился в атмосферу общей заворожённости личностью Сталина, создавшуюся в 1930-е годы. Поэтому общение со Сталиным было для Булгакова событием не бытовым, но бытийным.

Доверительность и эмоциональность тона при обращении к Сталину появляется в письме на его имя от 30 мая 1931 г. с просьбой о заграничном отпуске для поправки здоровья и возобновления писательской работы. Писатель откровенен с вождём: сообщается диагноз, описывается душевное состояние. Говорится о подступившем творческом бессилии: «во мне есть замыслы, но физических сил нет» [Булгаков 1990: 457]. Писатель апеллирует, таким образом, к человечности и мудрости вождя. Он подчёркивает, что осознаёт всю ответственность такого своего обращения к «высшей инстанции». «Перед тем, как писать Вам, я взвесил всё». В конце письма произнесены заветные слова: «чисто писательское моё мечтание заключается в том, чтобы быть вызванным лично к Вам...». Это знаменательное «Ваш разговор со мной» (а не «наш разговор») подчёркивает иерархичность отношений адресата и адресанта.

Т.Вахитова, исследовавшая письма Булгакова властям, делает очень важное наблюдение о том, что для писателя не было существенной границы между творчеством и официальным письмом Сталину. Исследовательница делает вывод о том, что «...Булгаков включал ...Сталина в сферу творческого познания» [Вахитова 1995: 23 – 24].

Свои основания для сближения поэта и вождя находим в переписке со Сталиным Б.Пастернака. Однако приведём сначала фрагмент из воспоминаний О.Ивинской о первом впечатлении Пастернака от встречи с вождём по поводу переводов грузинской поэзии. Ивинская дословно записывает портрет вождя, запечатлевшийся в памяти писателя: «На меня из полумрака выдвинулся человек, похожий на краба. Всё его лицо было жёлтого цвета, испещрённое рябинами. Топорщились усы. Этот человек – карлик, непомерно широкий и вместе с тем напоминавший по росту двенадцатилетнего ребёнка, но с большим старообразным лицом» [Ивинская 1992: 75]. Первое отталкивающее впечатление, произведённое на поэта властителем, не могло не закрепиться в сознании художни-

ка, однако в дальнейшем история его взаимоотношений со Сталиным, претерпела значительную эволюцию – «заворожённость» личностью вождя испытал и Пастернак. Как и Булгаков, он искал контактов с властью. Пастернак пережил сложную гамму надежд и переживаний, связанных со Сталиным, пытался использовать установившийся зыбкий диалог для спасения попавших под репрессии друзей и коллег. В письмах поэта нет, пожалуй, ничего, что воскрешало бы первое зловещее впечатление от вождя. Его портрет, складывающийся из приведённых выше воспоминаний и текстов писем поэта «наверх», – плод его долгих размышлений о процессах, происходящих в стране. Пастернак, как кажется, и по-своему любил его, и боялся, и восхищался, и ненавидел, и недоумевал.

В письме «Дорогому Иосифу Виссарионовичу» (отметим сердечный тон обращения), небольшом тексте, которым поэт сопровождает книгу своих переводов «Грузинские лирики», звучат сразу несколько важнейших в контексте взаимоотношений поэта со Сталиным, тем выявляются знаковые черты образа адресата. Автор благодарит его за «чудесное молниеносное» освобождение мужа и сына Ахматовой: вождь наделяется как будто чертами божества. С таким же трепетом произносится фраза о давнем желании автора «поднести» адресату «плод трудов», достойный его, но то, что есть, «... бездарно...». Книга переводов тоже оценивается как слабая. Все эти слова можно было бы принять за неизбежное славословие в адрес тирана. Кажется очевидной мысль о влиянии на Пастернака панегирических традиций восточной поэзии. Однако каскад восторженных эпитетов завершается фразой, необычной для такого рода переписки. Пастернак пишет: «...решил затаить про себя... чувство горячей признательности... уверенный в том, что всё равно, неведомым образом, оно как-нибудь до Вас дойдёт» [Шнейберг, Кондаков 1995: 203]. Эта таинственная связь обусловлена, по его ощущению, близостью миссий поэта и вождя. Эта тема настолько поглощает поэта, что является основным лейтмотивом письма. Заключительная фраза подхватывает этот лейтмотив: «Именем этой таинственности горячо Вас любящий и преданный Вам Б.Пастернак».

Образ, во многом противоположный «инферальному» владыке, формируется в письмах Зоценко. Он использует то же тёплое обращение: («Дорогой Иосиф Виссарионович!»), однако его видение адресата, как кажется, принципиально иное. Писатель делится своими горестями с человеком, хоть и очень высокопоставленным, что подчёркивается рядом соответствующих языковых конструкций («...беру на себя смелость просить Вас ознакомиться с моей работой...» и под.), но при этом воспринимаемым как близкий, способный посочувствовать. Адресат – человек занятой («я не посмел бы

тревожить Вас...») и очень авторитетный для автора письма («Все указания с благодарностью учту»). Писатель просит его оценить труд. Адресат для Зоценко – прежде всего человек, которому, например, возможно «сердечно пожелать здоровья» на прощание [Зоценко 1988: 169].

Подчёркнуто неформальный, без попыток выхода к философским обобщениям, тон обращения к вождю как к доброму человеку, возможно, как-то смягчает оправдательный пафос второго письма Сталину (26 августа 1946 г.), фактически отречение писателя от своей сатирической музыки. Автор оправдывается за свой талант, словно школьник, желающий угодить требованиям учителя. Уверяя адресата в своей благонадёжности («Я никогда не был антисоветским человеком»), писатель переходит на его язык, точнее, язык официальной прессы, которым написано сталинское открытое обращение к В.Билль-Белоцерковскому: «я никогда не был... человеком, который отдавал свой труд на благо помещиков и банкиров» и т.п. [Зоценко 1988: 173 – 174].

Образ справедливого и человеческого руководителя, которого дезинформировали клеветники, который непременно разберётся, который способен понять несправедно гонимого писателя – таков Сталин в письмах Зоценко, такова ещё одна иллюзия, создающаяся в безответной переписке художника с вождём.

Лишён мистического аспекта образ Сталина как адресата и в письмах Шолохова [Писатель и вождь 1997], чему способствовали встречи, ответные письма вождя писателю, а также индивидуальная манера последнего: Шолохов был одинаков в обращении со всеми, от простого казака до руководителей государства. В письмах на имя вождя, особенно в тех, что касаются хозяйственных проблем Вёшенского района и репрессий против односельчан, Шолохов игнорирует аспект занятости адресата, он излагает материал очень подробно. В письмах Шолохова адресат – союзник, понимающий руководитель, который в состоянии разобраться в вопросе и поступить по справедливости. Та же скрупулёзность деталей, обилие фамилий и фактов местного масштаба – в письмах Шолохова конца 1930-х гг., в которых он бьётся за репрессированных земляков. Занятость вождя не понуждает его к лаконизму, когда речь идёт о благосостоянии района и жизни людей; в письмах же личного характера (например, в ответ на критику Сталиным «Тихого Дона») Шолохов немногословен.

При обращении к адресату в письмах Шолохова, как уже отмечалось, нет подчёркнутой почтительности или ощутимой «дистанции»: «т. Сталин», «тов. Сталин» – таковы в большинстве писем обращения к вождю. В одном из писем Сталину 1931 г. вообще не содержится прямого обра-

щения к адресату, но лишь указание на него: «т. Сталину». Единственное исключение – письмо Шолохова вождю (11 декабря 1939 г.) по поводу юбилея последнего и в связи с окончанием «Тихого Дона», короткое и сердечное по тону и характеру обращения к адресату: «Дорогой т. Сталин!» [Писатель и вождь 1997: 127]. Шолохов апеллирует к Сталину и в ипостаси руководителя, и как к человеку, способному почувствовать чужую боль, но при этом подразумевается боль не столько адресанта лично, сколько многочисленных рядовых тружеников, которые стоят за фигурой известного писателя. С целью вызвать возмущение Сталина как руководителя и сострадание его как человека описаны, например, изощрённые пытки колхозников, применявшиеся краевыми властями в период хлебозаготовок (письмо от 4 марта 1933 г.). С тем же пафосом писатель обращается к вождю в письме от 16 февраля 1938 г. в защиту своих земляководителей, пересказывая с их слов сцены допросов в областных органах НКВД, рассчитывая на то, что адресат возьмёт его сторону в оценке «постыдной системы пыток, применяющихся к арестованным» [Писатель и вождь 1997: 101].

Образ человеческого и хозяйственного руководителя – так, на наш взгляд, следовало бы определить образ адресата в большинстве писем Шолохова к Сталину.

Мы попытались проанализировать в данной статье многообразие типов адресатов, формирующихся в «письмах вождю» первой половины XX века, выделить наиболее значительные, определённо очерченные. Творческая и человеческая индивидуальность каждого писателя как автора письма, история его взаимоотношений с властями, конкретная мотивация обращения к представителю власти – все эти факторы определяют образ адресата в письме. Доверие и готовность к диалогу в одних случаях и, напротив, принципиальная оппозиционность – в других обуславливают отношение к адресату и влияют на его образ в письмах. В ряде текстов мы отметили перенесение некоторых черт самого автора на властного собеседника, наделение последнего личными качествами адресанта: чувством юмора (Замятин), хозяйственной сметкой (Шолохов), сердечностью (Зощенко), способностью к мистическому постижению мира (Булгаков, Пастернак). В большинстве случаев происходит неизбежная мифологизация образа адресата, особенно в ситуации, когда обращения писателя к вождю остаются безответными.

ЛИТЕРАТУРА

Аверченко 1990 – *Аверченко А.Т.* – Ленину И.В. // Столица. 1990.

№ 1.

Богданов 1990 – *Богданов А.А.* Вопросы социализма. Работы разных лет. М., 1990.

Булгаков 1990 – *Булгаков М.А.* Собрание сочинений. В 5 т. Т. 5. М., 1990.

Вахитова 1995 – *Вахитова Т.М.* Письма М.Булгакова Правительству как литературный факт // Творчество Михаила Булгакова. Исследования. Материалы. Библиография. Кн. 3. СПб., 1995.

Замятин 1955 – *Замятин Е.И.* Лица. Нью-Йорк, 1955.

Зошенко 1988 – *Зошенко М.М.* Сталину И.В. // Дружба народов. 1988. № 3.

Ивинская 1992 – *Ивинская О.А.* Годы с Борисом Пастернаком. М., 1992.

Маяковский 1959 – *Маяковский В.В.* ПСС. В 13 т. Т. 12. М., 1959.

Негретов 1990 – *Негретов П.И.* В.Г.Короленко: летопись жизни и творчества. 1917 – 1921. Под редакцией А.В.Храбровицкого. М., 1990.

Осмыслим культ Сталина 1989 – *Осмыслим культ Сталина.* М., 1989.

Писатель и вождь 1997 – *Писатель и вождь:* Переписка М.А.Шолохова с И.В.Сталиным. 1931 – 1950 годы. Сб. док. из личного архива И.В.Сталина. М., 1997.

Письма вождям... – *Письма вождям.* Русская интеллигенция и советская власть. Составители Е.Б.Скороспелова и Е.В.Суровцева. М.: Русская энциклопедия (в печати).

Фадеев 1990 – *Фадеев А.А.* – ЦК КПСС // Литературная газета. 10.10.1990. № 41.

Шнейберг, Кондаков 1995 – *Шнейберг Л.Я., Кондаков И.В.* От Горького до Солженицына. М., 1995.